

УДК 82.0

В. Н. Смаль

Канд. филол. наук, доц., доц. каф. специальных педагогических дисциплин учреждения образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Viathaslav Smal

PhD in Filologi, Associate Professor, Associate Professor of special pedagogical disciplines of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: Smalslaw@mail.ru

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Рассматривается специфика отражения биографии автора в литературном произведении, выявление различных типов автобиографического модуса как формы самопрезентации писателя и его диалога с читателем, адекватность отражения биографического материала в литературном творчестве.

Autobiographical discourse in the artistic space of a literary work

The article deals with the specifics of the author's biography reflection in a literary work, the identification of different types of autobiographical mode as a form of self-presentation of the writer and his dialogue with the reader, the adequacy of biographical material reflection in literary work.

Введение

Полноценное осмысление природы феномена художественного произведения, как и его анализ в полной мере невозможны без постижения авторской концепции, фокусирующей основные стратегии художественной типизации, и являющейся, наряду с реципиентом и персонажем, одним из модусов целостности текста. В данном случае интерпретатору художественного произведения следует учитывать способность личностного начала автора, его биографии, психологии и мировоззрения влиять на парадигму художественных модусов (героика, сатиру, трагизм, идиллию, юмор, драматизм, иронию), создавая особую персоноцентрическую валентность и автобиографический модус в художественном пространстве литературного произведения.

Однако в современной теории литературоведения автобиографизм упоминается прежде всего в контексте специфического художественного приёма (Л. Гинзбург), творческой манеры (П. де Ман), или в контексте концепции жанра автобиографии (Ф. Лежен, Ж. Старобински), что отчасти сужает его категориальный объём. При этом нередко можно встретить как неоправданное парадигмальное смешение («автобиографизм», «автобиографичность», «автобиографическое начало», «автобиография»), так и отсутствие единого определения жанровых доминант и категориальной трактовки самого понятия «автобиографические произведения», которые называют «автореференционными текстами», «эго-литературой», «мемуарно-автобиографической прозой», «произведениями с биографической авторской основой», «произведениями с автобиографическим кодом».

Определённый интерес представляет концепция М. Медарича, определившего автобиографизм на основе тождества автора повествователя и главного героя отзвуком жанра автобиографии, обнаруживающим себя вне документальных жанров (биографии, мемуары, портреты) и выполняющим функции самовыражения, проблематизирования структуры текста и игровой развлекательности.

Автобиографизм как форма самопрезентации автора

Писатель в своём стремлении создать гармонично целостную картину художественного мира, передавая при этом скрытые, порой трудно уловимые его моменты, каким бы он ни был объективным мастером слова и интерпретатором, не в состоянии отразить полную копию реальной жизни, достичь абсолютной адекватности в презентации лично воспринимаемых событий. В любом случае это будет достаточно приблизительная копия действительности, «пропущенная» через фокус писателя, обработанная его субъективным восприятием, его индивидуальной психикой, это всегда, в определённой мере, условная правда, так как писатель отбирает из множества фактов именно те, которые он считает главными, существенными, достойными фиксации. Именно поэтому в творчестве любого писателя отражена личность автора, его эстетические, социальные, нравственные, мировоззренческие позиции. На такие отношения художника с произведением справедливо указывал В. Гёте: «Каждый писатель, до известной степени, отражает в своих произведениях самого себя, нередко даже против собственной воли» [1, с. 2]. Джордж Оруэлл в этом смысле пошёл ещё дальше, отказывая художественности любому тексту, созданному на основе биографии автора: «Невозможно написать ничего толкового, если постоянно не подавлять в себе личное. Хорошая проза – как чисто вымытое оконное стекло» [2, с. 1].

Отношение к автобиографизму и по нынешнее время как в среде отечественных, так и среди зарубежных учёных противоречиво и не однозначно. Так, Московско-тартуская семиотическая школа литературоведения (А. К. Жолковский, Ю. М. Лотман, М. Л. Гаспаров и др.) вовсе не признавала объективности автобиографического материала. В частности, Е. М. Болдырева отмечает, что «память и чувственное восприятие, на которые рассчитывает человек узнавая мир, могут обмануть; воспоминания, которые кажутся реальными, могут быть навязанными извне другими людьми и при многократном повторении стать своими. Традиционное общепринятое отражение своей биографии последовательно, начиная от рождения, – это лишь условность, «правила игры», принятые в определенной культурной ситуации» [3, с. 1]. Распространённым в среде литературоведов является взгляд на автобиографизм, как на начальный, ученический этап творчества, через который впоследствии писатель «выходит» на широкие обобщения, типизацию, общечеловеческое. В противном случае автобиографический материал будет постоянно «сужать» восприятие диапазона заложенных в произведениях смыслов.

В западноевропейском литературоведении (Т. Мой, Л. С. Флейшман, У. Эко и др.) достаточно распространённым является мнение, что автобиографический текст нельзя определять как жанр, рассматривать его специфической фигурой прочтения и понимания, которая присутствует в любом тексте. В ряде случаев, используя понятие «автобиографические жанры» в отношении писем, дневников, мемуаров, автобиографий, учёные интерпретировали их как неустойчивые, пограничные, возникающие в переходные эпохи стилевые образования перед появлением канонических жанров. Заметим, в советской литературе интерес к воспроизведению, эксплицитной ретроспекции и анализу минувших событий возрос именно с середины XX в., в первое послевоенное десятилетие и особенно в «оттепельное» время («Дневные звезды» О.Ф. Берггольц, «Владимирские переселки» и «Капля росы» В.А. Солоухина и др.). Уникальный тип автобиографизма, объединивший мемуары, портретный очерк, исповедь, бытовые зарисовки, хронологичность повествования, выявлен в произведениях «Золотая роза» и «Повесть о жизни» К.Г. Паустовского, новеллах «о себе» В. Шаламова, исключившего в текстах разграничение автора концепированного, автора биографического и автора-творца, что явилось новым даже для мемуаристики и, по сути, стало актом появления «новой прозы», погранично

художественно-документальной, в которой взаимопереплетались лиризм, автобиографизм и мемуарная фактуальность.

Некоторые зарубежные исследователи (А. Стоун, П. Манн) считали, что автобиографические тексты вообще нельзя рассматривать как жанры художественной литературы, так как автобиографизм в европейской литературе характеризуется ярко выраженным жанровым синкретизмом: распространено смешение в рамках одного текста элементов мемуаров, дневников, журналистского исследования, эпистолярных текстов, воспоминаний и собственно автобиографии. В данном случае проявилась и одна из ошибок литературоведческой практики, когда анализ категории автобиографизма и интерпретации автобиографического модуса художественных текстов осуществлялся на основе выявления степени фактуального материала, разграничения фактического и вымышленного, определения авторских биографических стратегий. Бесперспективность данной практики показывает присутствие автобиографизма в произведениях абсолютно разных художественных жанров: «Слово о полку Игореве», «Война и мир» Л.Н. Толстого, «Былое и думы» А.И. Герцена, «Я умею прыгать через лужи» А. Маршала, «На ростанях» Якуба Колоса.

Рассматривая автобиографизм как форму самопрезентации автора, справедливым следует признать тезис Ж. Деррида о флюидности категории автобиографизма, провозгласивший, что «у автобиографий есть образцы, но не может быть правил» [4, с. 16]. Следовательно, установление подлинности описываемых событий является сложной, а в отдельных случаях и невыполнимой задачей. В ряде случаев автор опирается не на документы, а на собственную память, поэтому правдивость жизненных фактов достаточно условная, однако субъективная авторская интерпретация не противоречит автобиографизму, не «искажает» историю, а в определённой мере обогащает, позволяя полнее выявить авторскую исповедальность, рефлексию и реакцию на события, исследовать структуру и проблематику произведения посредством анализа авторских установок на самопрезентацию через введение в текст своей фигуры, её соотношение с другими персонажами.

Художественная трансформация автобиографического дискурса

Концепт автобиографической индивидуальности, бесспорно, относится к одному из актуальных и до конца нерешённых элементов литературы и литературоведения. Как отмечал В. В. Виноградов, «образ автора в лирическом тексте – это отдельная теоретическая проблема, а результаты в этой области исследований в полной мере являются завуалированными, так как лирик пишет историю своей души» [5, с. 138]. Литература, как искусство творчества предполагает обязательное и постоянное осмысление автором опыта личной жизни, использование в произведениях воспоминаний, биографических элементов. При этом, через воссозданный мир своей биографии, путём самопрезентации писатель не просто осмысливает, интерпретирует, отражает, но и через акты миропонимания и мировосприятия стремится «убежать» от тягот сегодняшнего дня в иллюзорный мир прошлого.

Признавая автобиографизм неотъемлемым и постоянным «свойством литературы» (А.Н. Горбунова), следует исходить из прагматического аспекта автобиографического материала, который позволяет художникам слова выявить те мысли, чувства, эмоции, волнения, желания, которые нередко сложно или вовсе невозможно изобразить по-иному, предметным образом или понятием. Автобиографизм нередко помогает художникам слова осмыслить свой внутренний мир, отобразить собственные душевные переживания, исследовать своё «я». Л.В. Первушина, анализируя специфику автобиографического письма, приходит к

выводу, что оно способно создавать особое пространство для медитации и осмысления реальности: «Автобиографизм расширяет это пространство, раздвигает границы памяти, восстанавливая события и обнажая чувства, которые замалчивались или были забыты. Различные импульсы, инстинкты, воспоминания, мечты и сны становятся визуальными, оформляются в слова и фразы, трансформируясь в жизненные истории. В процессе автобиографического творчества снимаются психологические механизмы самозащиты, давая возможность проявиться чувственному опыту автора. Прежние события не просто описываются с точки зрения настоящего, а создаётся попытка вхождения в прошлое и возможность переживания его снова, что делает образы более глубокими и полными» [6, с. 6].

В этом смысле интересным литературным фактом русской литературы конца XIX – начала XX веков является повесть о детстве («Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» С.Т. Аксакова, «Детство» Л.Н. Толстого, «Детство Тёмы» Н.Г. Гарина-Михайловского, «Детство» М. Горького, «Котик Летаев» А. Белого, «Детство Никиты» А.Н. Толстого, «Детство» П.С. Романова, «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина, «Лето Господне» И.С. Шмелёва и др.). Несмотря на автобиографическую основу, она представляет собой художественно-автобиографические тексты, в которых значительную роль играет вымысел. Воспоминания событий детских лет в данном случае не явились логически когерентными автобиографии, а жизненный опыт был использован писателями в качестве катализатора, «духовного триггера». В результате пафос объяснения собственной жизни уступает стремлению автора зафиксировать уходящую историческую эпоху, национальную культуру, быт, семейный уклад; осмыслить «прошлое» для понимания «будущего».

Типология автобиографического модуса

Автобиографизм как форма присутствия автора в произведении может представлять собой прямые или зашифрованные сведения биографического характера, а также типичную авторскую реакцию на восприятие событий, лиц, ситуаций в ретроспективном плане. В зависимости от характера осмысления читателем текста, можно выделить *имплицитный*, скрытый тип автобиографического дискурса, если читатель не знаком с фактами жизни автора, *императивный* тип, если текст написан с расчётом, что читателю что-то известно из биографии художника слова, *трансформированный* тип, когда реальные обстоятельства, в которых создавался текст, трансформируются, меняются в соответствии с авторским замыслом.

Известны высказывания литераторов о том, что они являются не творцами-изобретателями, а только интерпретаторами, рассказчиками реальных событий (Л.Н. Толстой, С.Т. Аксаков и др.). В этом плане симптоматично признание Н.В. Гоголя в «Авторской исповеди»: «Я никогда ничего не создавал в воображении и не имел этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной из действительности, из данных, мне известных» [7, с. 357].

Автор и его модус в произведениях могут быть представлены в виде художника, интерпретатора или образа-персонажа, в зависимости от этого автор может быть представлен посредством личных местоимений *я* и *мы*, безличных форм глагола, косвенной речи. Автобиографический дискурс в творчестве писателя может устремляться в прошлое, настоящее и будущее. Биографический фон, биографический подтекст, биографическую легенду в тексте, особенно поэтическом, определить нередко чрезвычайно сложно, однако сам процесс их определения позволяет понять и реальные, жизненные импульсы, которые подталкивали поэта к созданию произведения, помогает в понимании скрытых и неуловимых смыслов самой лирики.

В фокусе нашего исследования особый интерес представляет корпус агиографических жанров (житии, похвалы, проповеди), в которых биографический материал (факты, образы, пространство, время, мотивы), представляя собой смысло- и текстообразующие интенции, не является точным описанием жизни отдельной личности. В данных текстах авторы преимущественно тяготеют к схематизму, обобщённо-типическому описанию, согласуемому с определённым шаблоном изложения событий. В результате в русской литературе был выработан особый повествовательный жанровый архетип биографической двуплановости, представляющий собой гармоничное сочетание с одной стороны установки на факт, документальность, достоверность, с другой стороны, – откровенных типизаций, отсылок к мифу, или мифологизации авторского мышления. В частности, синтез мифологизма и биографизма, мифоисторизм, мифобиографичность, отчасти интерпретируемые теорией «коллективного бессознательного» К. Юнга как феномен аналогии между мифом, детством и сновидениями, ярко выражены в творчестве Н.С. Лескова, Ф. Кафки, Б. Шульца, Л.Н. Толстого и других классиков мировой литературы. Так, исследуя биографическую двуплановость творчества Н.С. Лескова, Г.М. Ибатуллина объясняет данный смыслоцентрирующий повествовательный архетип мифологизацией мышления, в том числе детских воспоминаний: «В «Несмертельном Головане» одно и то же событие рассказано дважды: как запись, почти протоколочно точная, передающая лишь факты, из дневника бабушки; затем тот же эпизод» в памяти мальчика, которому было тогда всего полтора года. Дублирование повествования передает два разных восприятия одной истории: как реально-эмпирических фактов и как мифологического события спасения, героического подвига, совершенного Голованом, что мотивируется особенностями детского сознания, склонного жить по законам мифа» [8, с. 156].

Следует отметить, что подобная мифологизация биографии и автобиографии становится традиционной в прозе эмигрантов, когда факты личной жизни отражались авторами в контексте исторического процесса, становились автобиографическим мифом. Подобное переосмысление судьбы главного героя в аспекте историко-культурного самопознания и авторской идеи сохранения памяти о прошлом – интенциональный вектор промежуточных (между документом и художественной литературой) жанровых форм: автобиографических мемуаров И.Д. Шмелёва «Лето Господне», Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба», И.А. Бунина «Жизни Арсеньева» и В.В. Набокова «Другие берега», беллетризованных автобиографий А.Н. Толстого «Детство Никиты» и А.И. Куприна «Юнкера», дневников И.А. Бунина «Окаянные дни», З.Н. Гиппиус «Петербургские дневники», Г.Н. Кузнецовой «Грасский дневник».

Автобиографизм представляет собой одну из форм образно-словесной игры, оперируя «вспоминательностью» текста, цитацией, ссылками на документальные факты, персонажной системой, хронотопом, сюжетными эпизодами, авторской стратегией организации и подачи художественного материала. Автобиографизм проявляется на различных уровнях текста (в образах, темах, мотивах), в названиях произведений, в языке произведений (применение притяжательных местоимений, рассказ от первого лица, наличие авторских диалогов и монологов-исповедей). Однако эти и другие элементы самопрезентации, например, авторские ремарки, ещё не делают текст автобиографическим. Автобиографический дискурс становится художественным фактом, когда автор и его авторское «я» превращаются из свидетеля в главный объект и субъект художественного отражения («История моего современника» В.Г. Короленко, «Мои скитания» В.А. Гиляровского, «Перед восходом солнца» М.М. Зощенко, «Люди, годы, жизнь» И.Г. Эренбурга, «Вечерний день» В.А. Каверина, «Бодался теленок с дубом» А.И. Солженицына, «Дневник» Ю.М. Нагибина и др.).

В этом плане интересен опыт А. Г. Достоевской, которая в своих «Воспоминаниях» отметила ряд существенных автобиографических включений (эпизоды из жизни семьи, привычки, черты характера, мнения и высказывания писателя, расшифровка географических криптограмм) в текстах своего супруга-писателя. Данное издание позволяет судить о лейтмотивности, фрагментарности и распылённости автобиографического материала в различных произведениях, в образах главных героев и второстепенных персонажей. Выявленный в данном случае Ф.М. Достоевским особый тип «детального» автобиографизма, позволяет судить не о «сквозной автобиографичности творчества» (М.В. Волоцкая, И. Нейфельд), а скорее о стилевом единстве вымышленных и автобиографических эпизодов, в которых на первый план выходит не монументальное отражение крупных событий жизни, а лейтмотивное микроописание деталей, штрихов бытовых подробностей автобиографического плана.

Л.А. Гаврилова, исследуя обобщённость документального факта в фельетонном творчестве Ф.М. Достоевского, справедливо указывает на традиционный авторский приём «растворимости» автобиографической основы в вымышленном плане текста, на присутствие своеобразного эффекта «пережитости», когда при формальном отсутствии автобиографизма посредством обобщений создаётся иллюзия, что автор всё это пережил: «Сначала художественной интерпретацией документального факта, события в фельетонах он предлагает читателю видеть общее и непреходящее в конкретном и насущном. Затем созданием на основе факта развёрнутого художественного образа в рассказе автор побуждает читателя к осмыслению и эмоциональному переживанию жизни, постижению смысла узнаваемого факта путём неоднократного возвращения к прочитанному» [9, с. 14].

Автобиографический модус – это мир личностного опыта и контекста авторских аллюзий (воспоминаний, культурных кодов, имплицитных смыслов, галереи персонажей, посвящений), возбуждающих читательский интерес. Автобиографизм может выявляться и в индивидуализации авторского «я» (если поэт не только автор, но и лирический герой, который от первого лица обращается к читателю), в топографических реалиях, в посвящении, в датировании произведений, в отражении лирических портретов современников. В данной ситуации интерпретатор в лице читателя / критика должен с определённой степенью уважения подходить к интимно-скрытому, трансформированному биографизму. В ряде случаев, по мнению Г.П. Макогоненко, следует вовсе избегать декодирования интимных нюансов жизни писателя: «расшифровывать необходимо только то, что предусмотрено автором. Однако если стихотворение создаётся с заранее поставленной целью исключить из восприятия читателя саму возможность догадаться об именах, о биографических намёках, чтобы сосредоточить внимание на поэтическом содержании, то в подобных случаях комментарий исследователя должен быть исключён» [10, с. 143].

Специфической формой является *исповедальный* тип автобиографизма – оригинальная творческая форма самоанализа, самопознания и самовыражения, которая через исповедь, молитву, рефлекссию помогает писателю осмыслить не только индивидуальное бытие, но и различные общественные проблемы через переживание значимых событий жизни, их анализ и поиск путей решения. Наряду с тем, что автобиографический модус многих писателей склонен проявляться в прямых связях личностного «я» с лирическими героями произведений, взаимопроекциях психологии и душевных качеств, ряд писателей в своём творчестве обращается к мотивам, ситуациям, персонажам, которые характеризуются косвенной, символической связью, например, общественной причастностью к определённым социальным проблемам. Подобная тенденция усиления авторской рефлексии, исповедальности анализа

пережитого, осмысления своей биографии характерна всей постсоветской литературе конца прошлого и начала нынешнего века. В частности, именно в этот период в белорусской литературе (Р. Бородулин, С. Законников, Н. Матяш, Г. Творонович-Севрук и др.) наблюдается всплеск и кристаллизация основных жанрообразующих черт своеобразной литературной формы молитвы, в которых звучала исповедь не личного плана, а за соотечественников, общество, страну. В этой связи А.Н. Горбунова подобный поворот с опыта собственного на опыт других склонна объяснять стремлением художников слова к максимальному экзистенциальному самораскрытию: «Человек любит заступать в другое существование, любит касаться тонких волокон чужого сердца и прислушиваться к его битью ... Он сравнивает, сверяет, он ищет себя подтверждения, сочувствия, оправдания» [11, с. 6].

Заключение

Таким образом, автобиографический дискурс представляет собой организующее начало, которое формирует творческую позицию и индивидуальность, универсальную форму презентации писателем внутренне и внешне пережитого, нередко форму изображения не только личного опыта, но и своих чувств, мыслей, переживаний, представлений. Творческий акцент, направленный на актуализацию авторского начала, позволяет писателю на высшем уровне выявить неповторимость личности и своих мировоззренческих позиций через отождествление себя с лирическим героем. Обращение к различным типам автобиографического модуса и в особенности исповедального его типа позволял писателям отображать сложные автобиографические импульсы, фиксировать личностные отношения к изображаемым событиям, передавать интимные эмоции и состояния души, сближать читателя, лирического героя и автора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жемчужины мысли. Цитаты о литературе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://жемчужины-мысли.рф/цитаты>. – Дата доступа: 09.04.2019.
2. Шуклецов, А. Без гнева и пристрастия [Электронный ресурс] / А. Шуклецов. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2012/06/20/1721>. – Дата доступа: 09.04.2019.
3. Болдырева, Е. М. Автобиографизм и автобиография: самоконструирование и семиотизация субъекта [Электронный ресурс] / Е. М. Болдырева. – Режим доступа: : <https://Cyberleninka.ru/article/n/avtobiografizm-i-avtobiografiya-samokonstruirovanie-i-semiotizatsiya-subekta>. – Дата доступа: 17.10.2018.
4. Derrida, J. *Autobiographies // The Ear of the Other* ; ed. by Cristie V. McDonald, translated from french by Avitall Ronell. – New York : Schocken Books, 1988. – 190 p.
5. Виноградов, В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1971. – 239 с.
6. Первушина, Л. В. Проблемы автобиографизма в творчестве современных писателей США [Электронный ресурс] / Л. В. Первушина. – Режим доступа: : <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/56488/1/Первушина>. – Дата доступа: 17.10.2018.
7. Гоголь, Н. В. Мёртвые души. В 2 т. Т. 2. Варианты. – Харьков : Фолио, 2009. – 476 с.
8. Ибатуллина, Г. М. Диалогизация повествовательных структур в рассказе Н. Лескова «Несмертельный Голован» / Г. М. Ибатуллина // Проблемы диалогизма словесного искусства : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Стерлитамак, 18-20 окт. 2007 г. / отв. ред. И. Е. Карпухин. – Стерлитамак : Изд-во СГПА, 2007. – С. 155-158.

9. Гаврилова, Л. А. Диалогичность как принцип организации «Дневника писателя» автореф. дис. канд. филол. наук. 10.01.01. / Л. А. Гаврилова ; Ф. М. Достоевского. – Ярославский гос пед. универ. им. К.Д. Ушинского.– Ярославль, 2016. – 16 с.

10. Макогоненко, Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830–1833) / Г. П. Макогоненко. – Л. : Худож. лит., 1974. – 376 с.

11. Горбунова, А. Н. Автобиографизм и автобиографические жанры в творчестве А. И. Герцена 1840–1850-х годов [Электронный ресурс] / А. Н. Горбунова. – Режим доступа: : <http://elar.uspu.ru/handle/uspu/1625>. – Дата доступа: 17.10.2018.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю

Репозиторий БРГУ